

Экскурсовод “Эрмитажа”

Герберт Мороте

Перевод Алека Жингеля

Пьеса «Экскурсовод Эрмитажа» выиграла в Испании театральную премию «Куча» в 2003 году. Впервые она была поставлена в Лиме (Перу) в 2004 году. По приглашению она приняла участие в театральных фестивалях в Майями (США) в 2005 году, Манисалес (Колумбия) в 2006 году, Кадисе (Испания) в 2006 году.

Для получения дополнительной информации обращаться к Алеку Жингелю (e-mail: zhyguel@auna.com, телефон: (34) 91 405 20 31).

Права автора зарегистрированы и администрируются на международном уровне Генеральным обществом авторов Испании (SGAE).

Действующие лица:

- Экскурсовод музея Павел Филиппович (Паша), пожилой человек с перепадами проявления энергии. Несмотря на холод, одет легко.
- Игорь Игоревич (Игорек), сторож музея, ему за пятьдесят, хотя выглядит старше. Хромает. Одет в старое пальто с медалями, шарфом и военной шапке, на ремне через грудь у него висит старая винтовка со взведенным штыком..
- Соня, жена Павла, 45 лет, высокая, бойкая и подвижная. Ее одежда когда-то была хорошего качества.

Действие происходит в музее “Эрмитаж”. Огромное неосвещенное помещение. С одной стороны находится большая двустворчатая дверь, в одной из ее частей встроена маленькая дверь с задвижками. На голых стенах угадываются окна на достаточно большой высоте с закрытыми ставнями. К одному из них приставлена складная лестница. В углу – два маленьких топчана рядом с грубо отесанными упаковочными ящиками, которые служат в качестве столов и стульев. Керосиновые лампы. В остальных комнатах чувствуется пустота. Рядом с маленькой печкой, которая не в состоянии обогреть помещение, выделяется самовар.

Игорь подметает пол, в то время как вблизи слышатся разрывы снарядов немецкой артиллерии. Вдруг раздается стук в маленькую дверь. Игорь настораживается, осторожно берет в руки стоявшую у стены картину, покрытую тканью, целует ее, крестится и прячет ее под свой топчан. Стуки в дверь становятся настойчивее.

ИГОРЬ. – Это ты, Дмитрий? Сынок, это ты? *(Тишина, только нарушаемая немецкой канонадой, которая затихает. В то же время стуки в дверь становятся все чаще)*. Уже иду, сын, уже иду. Подожди чуток, я найду ключ.

СОНЯ. – *(Снаружи)* Игорь Игоревич, откройте быстрее дверь. Открывайте дверь. Я промерзла до костей.

ИГОРЬ. – *(Крича)* Это не Дмитрий? Дмитрий, Дмитрий, ты где? *(С ехидством)* Видишь? Видишь? Немцы уже устали бомбить нас этой ночью. Эти трусы не выдерживают советского холода, ха-ха. Не выдерживают, ха-ха. Не выдерживают...

СОНЯ. – Игорь Игоревич, бросьте глупости и открывайте быстрее. Поторопитесь. Я вся заледенела.

ИГОРЬ. – *(Отодвигает две завесы и с трудом открывает ключом дверь)* Подожди, подожди. А..., это Вы, Соня. *(Смотрит наружу)* Где Дмитрий? Вы не видели моего сына?

СОНЯ. – *(С намеком)* Вы сами знаете, где он, товарищ. *(Пауза)* Это самая худшая зима, которую я видела. Я не удивлюсь, если сейчас будет 40 градусов мороза.

ИГОРЬ. – Конечно, я знаю, где он. Как всегда, сжимает в руках винтовку в траншеях у Главного штаба. Дмитрий удался сильным и смелым, как и его отец, который получил эти медали за...

СОНЯ. – *(Доставая пакеты из большой сумки, которую она принесла под пальто)* Игорь Игоревич, вот Ваша доля хлеба сушеной рыбы и Ваша карточка. Сахара уже нет. *(Пауза)* Слышите? Как мой муж? Как его сердце? И где он?

ИГОРЬ. – *(Проверяя пакеты)* Он там. Не потеряется. Значит, сахара нет. Я уже не помню его вкус. Наверное, его дают нашим парням. И правильно делают. Мы, старики, привыкли терпеть. *(Прислушивается к тишине снаружи)* Обстрел уже прекратили.

СОНЯ. – Где мой муж, Игорь Игоревич?

ИГОРЬ. – А я откуда знаю? Сначала я ходил за ним, но потом устал. Он знает музей лучше, чем кто-либо. Даже свет ему не нужен. *(Пауза)* Знаете, Соня, я должен с вами серьезно поговорить.

СОНЯ. – Что-нибудь с моим мужем?

ИГОРЬ. – Видите ли, дело в том, что я с каждым разом понимаю Павла Филипповича все меньше и меньше. Он сам помогал упаковывать музейные картины, а сейчас он там их описывает, как будто они продолжают висеть на стенах. А... Знаете, что он сейчас делает. Уму непостижимо. Лучше, чтобы Вы сами увидели своими глазами.

СОНЯ. – Что он делает?

ИГОРЬ. – Сколько времени вы не приходили сюда? Месяц?

СОНЯ. – Не думаю, что столько. *(Смотрит продовольственную карточку)* В точности, 18 дней. Я не могла прийти раньше. По ночам у нас собрания Комитета, а днем – комендантский час, нужно избежать лишних жертв. Этой ночью я попросила разрешение на несколько часов. *(Пауза)* Ах!.. Если бы Вы знали, как я скучаю по

моему мужу! Он такой умный, вежливый, ласковый (*Пауза*), но Ленинград – превыше всего, если мы сдадимся, рухнет вся страна, а с ней – Павел, Вы, я.

ИГОРЬ. – Оставьте эти истории. Вы должны забрать Павла, он потерял рассудок.

СОНЯ. – Рассудок?

ИГОРЬ. – Да, рассудок, он сошел с ума. Кроме того, я, как комиссар этого музея, не беру на себя ответственности: с ним может приключится удар, и он умрет в каком-нибудь зале. Этому человеку нужны лекарства и уход. Ему отказывает голова, сердце, и в довершение ко всему, он игнорирует этот холод и не одевается, как следует.

СОНЯ. – (*Снимая свое пальто*) Вы не знаете, что говорите, товарищ, здесь вовсе не так уж и холодно. (*Пауза*) Ладно, я хотела бы его забрать, но куда, скажите? Вы помните нашу квартиру?

ИГОРЬ. – Ндаа... (*Вспоминая те счастливые времена, отличающиеся от нынешней ситуации*) Конечно, да, какие праздники нам устраивались!... Ваш нескончаемый медовый месяц... Кто бы сказал... Старый экскурсовод и молодая реставратор... Я Вам завидовал... (*Пауза*) Я, вдовец и хромым... Моим любимым уголком была кухня, маленькая, но живая, где я садился, и оттуда меня уже никто не мог сдвинуть.

СОНЯ. – Знаете, нашего дома больше нет, его бомбили три раза, от него не осталось и следа. Нет уже приютов для пожилых, госпитали переполнены. Лекарства от сердца закончились уже давно. (*Пауза*) Как Вы знаете, уже несколько месяцев мы не можем хоронить своих покойников, оставляем их на улицах, где они замерзают. Нет, товарищ, Павлу здесь лучше. В конце концов, он всегда проводил больше времени в Эрмитаже, чем дома. Этот музей – самое надежное место в Ленинграде.

ИГОРЬ. – Вы, как член Комитета по защите, не должны говорить таких вещей. Вы что, потеряли веру в товарища Сталина?

СОНЯ. – Никогда и ни за что. Какие глупости вы говорите.

ИГОРЬ. – Тогда придержите свой язык, товарищ Соня, чтобы не накликать неприятностей. Скоро мы разобьем немцев.

СОНЯ. – В этом я не сомневаюсь, но не думаю, что это будет скоро. Вы, закрывшись здесь, понятия не имеете о том, что происходит снаружи. Уже не осталось ни котов, ни собак. Хотя, правда, никто не жалуется. Все мы должны помогать друг другу, Игорь Игоревич, а вам выпала доля совсем малая: вы только должны ухаживать за мои мужем.

ИГОРЬ. – Ничего подобного, я – комиссар музея, а не санитар. *(Пауза)* Товарищ Соня, я Вам приказываю забрать отсюда этой же ночью Вашего мужа Павла Филипповича.

СОНЯ. – И провести его по канавам, траншеям и воронкам до какого-нибудь убежища? Знаете, сколько я затратила времени, чтобы прийти сюда от собора Святого Николая? Два часа. Так, как Вы слышите, два часа, и это благодаря тому, что меня знают на всех постах.

ИГОРЬ. – Я, как представитель власти, как комиссар Государственного музея...

СОНЯ. – Замолчите, Игорь Игоревич, вы никакой не представитель власти и никакой не комиссар. Эрмитаж еще не бомбили, потому что немцы думают, что могут поживиться здесь картинами. И Вы здесь – единственный смотритель, потому что хромоту, Вам нечего делать в окопах. Так что прекратите нести вздор, идите, найдите моего мужа и дайте ему его паек. Я хочу его видеть. *(Пауза)* Бедный человек! *(Пауза)* Поторопитесь, я должна вернуться в Комитет до рассвета. Идите его искать, я Вам говорю.

ИГОРЬ. – Как Вы обращаетесь со старым человеком, товарищ Соня! Вот не пойду. Идите сами, если хотите, не хватало еще, чтобы кто-то приходил и командовал комиссаром Государственного музея Эрмитаж!

ПАВЕЛ. – *(Входит, разговаривая напыщенно с мнимой группой посетителей, шокировав этим свою жену. В это время Игорь складывает свои продукты в один из ящиков)* Надеюсь, мои уважаемые товарищи, что Вы насладились увиденным. Сожалею, что экскурсия длилась только два часа, но это Вам послужит, чтобы составить впечатление о прекрасном содержимом Эрмитажа.

Представьте, что если бы мы задержались на одну минуту у каждого произведения искусства, экскурсия продлилась бы 12 лет. Да, 12 лет. Приходите еще. Вы узнаете очень много и будете поражены. Ждем Вас. Прежде чем уйти, не забудьте забрать Ваши вещи из гардероба, и застегивайтесь хорошо, так как снаружи должно быть страшно холодно. Спокойной Вам ночи. Еще раз спасибо за то, что Вы пришли. Нет, нет, экскурсоводы Эрмитажа не берут чаевых, большое спасибо. Спокойной, ночи, товарищи.

(Продолжительное молчание) (Заметив присутствие своей жены, настораживается) Что с тобой случилось, Соня? Почему у тебя такое лицо? *(Пауза)* Плохие новости? Разбомбили поезд Эрмитажа?

СОНЯ. – Нет, дорогой. Поезд цел. Он был последним до того, как разбомбили вокзал. Сейчас уже мы полностью окружены.

ПАВЕЛ. – Какое это имеет значение, дорогая! Искусство спасено! *(Прыгает от радости и пытается танцевать с Соней и Игорем, которые не идут на это)* Bravo! Bravo! Давай танцевать, Соня! Потанцуем, Соня! Игорь, давайте танцевать! Танцуй, Игорь! Давайте, Соня, не стойте!

СОНЯ. – Остановись, Павел, остановись, остановись.

ПАВЕЛ. – Что с тобой? Я тебя не узнаю. Что тебя так беспокоит?

ИГОРЬ. – Ты меня беспокоишь, Павел. Ты не отдаешь себе отчета? Ты разговаривал сам с собой.

ПАВЕЛ. – Я разговаривал сам с собой? Я разговариваю с моей женой, идиот.

ИГОРЬ. – *(Соне)* Бесполезно с ним спорить. Заберите его, Соня, с каждым днем он все хуже.

ПАВЕЛ. – Кто хуже? Так, почему, когда ты один, ты поднимаешься по лестнице и открываешь окно? Разве не запрещено открывать окна? С кем ты там разговариваешь?

ИГОРЬ. – Павел Филиппович, не перегибай. Наша 30-летняя дружба может закончиться сегодня.

СОНЯ. – Стойте, стойте, не ругайтесь. *(Пауза)* Паша, как я хотела тебя обнять... Я очень боялась, не за тебя, конечно, за себя: никогда не знаешь, когда на тебя может упасть фашистская бомба.

(Отстраняясь от мужа) Но не будем о грустном, ладно? Здесь твой паек. Твоя карточка останется у меня. Говорят, что сахара больше не будет. Я достала бутылку водки, чтобы ты разделил ее с твоим другом Игорем Игоревичем. Открой сейчас, если хочешь. Но скажи мне, дорогой, с кем ты разговаривал, когда вошел сюда?

ПАВЕЛ. – Как с кем? Ты не знаешь, что я экскурсовод?

СОНЯ. – Да, но ведь никого нет.

ПАВЕЛ. – Конечно, уже все ушли. *(Пауза)* Кроме тебя, моя любовь, и этого, который считает себя комиссаром музея. Ха, ха, ха, комиссар. Единственное, чем он занимается, это следит за мной с этим ружьем, которое не стреляет.

ИГОРЬ. – *(Направляя на него ружье)* Что не стреляет?

ПАВЕЛ. – Хм... убери это, клоун. Дорогая Соня, так как я единственный экскурсовод, то должен вести все экскурсии. Все.

СОНЯ. – И с кем ты проводишь экскурсии? И что показываешь?

ПАВЕЛ. – Как что? Что и всегда, археологические залы, затем залы с картинами, то есть, немного маэстро Веласкеса, что-то Рембрандта, Ренуара, Пикассо. Но что я тебе буду рассказывать, ты прекрасно знаешь, что я делаю. А...Ты видела выставку Репина? Думаю, что нет. Я могу тебе ее показать, если хочешь, она очень полная. Заметь, мы привезли картины из Русского музея и Третьяковской галереи. Мы отмечаем 100-летие со дня его рождения. Хочешь, чтобы я тебе показал эту выставку?

СОНЯ. – Ты видишь эти картины, дорогой Паша? Ты их видишь?

ПАВЕЛ. – У меня садится зрение, но я еще не ослеп. Если хочешь, можешь меня проверить. *(Поднимает руку, но не смотрит)* Там, над нашими ложами, висит портрет Сталина. Видишь ее?

СОНЯ. – На стене ничего нет, дорогой.

ПАВЕЛ. – *(Смотрит на стену)* Чтоооо? Действительно, ее нет. Ее нет! Что случилось с портретом, Игорь?

ИГОРЬ. – Не знаю. Я сам только что заметил, что ее нет. Не упаковали ли ее солдаты, думая, что это ценная картина?

ПАВЕЛ. – Ни в коем случае. На каждую картину был один деревянный ящик. Ни на один больше, ни на один меньше. В конце оставались

два ящика: один – для архангела Святого Гавриила под названием “Ангел с золотыми волосами” неизвестного автора XII века, и вторая была предназначена для “Чудо святого Георгия”, принадлежащая новгородской школе живописи, законченная, возможно, около 1475 года. Эти иконы являются наиболее представительными произведениями той эпохи.

СОНЯ. – Какой у тебя блестящий ум, дорогой! Но почему же тогда их оставили на конец, если они такие ценные, Павел?

ПАВЕЛ. – Загадки человеческой природы, дорогая. Загадки. Так приказал полковник, ответственный за транспортировку. Возможно, он подумал, что иконы делают чудеса и что они нас защитят от немцев. Ты согласен со мной, ничтожный сторож?

ИГОРЬ. – Как и все сумасшедшие, иногда ты говоришь правду, но необязательно оскорблять.

СОНЯ. – Признайте, Игорь Игоревич, что мой муж великолепен. Правда, дорогой, что ты такой же, как и всегда?

ИГОРЬ. – Вы такая же сумасшедшая, как и Павел. Нет большего слепого, чем тот, который не хочет видеть.

ПАВЕЛ. – Я вижу, что вижу, сторожишка. *(Пауза)* И не вижу, что не вижу, что логично. *(Пауза)* Конечно, тоже вижу, что не вижу. *(Пауза)* Чтобы ты понял это последнее, тупица, я вижу, что фотографии Сталина нет.

СОНЯ. – Ну какая разница, дорогой. *(Игорю)* Она была ценной?

ИГОРЬ. – В каталоге она не числилась, если Вы это имеете в виду. Это был один из тех больших портретов, которые получали все учреждения. Солдаты ошиблись, увезя Сталина, так как это продолжает оставаться государственным музеем, даже если в нем ничего нет.

СОНЯ. – Игорь Игоревич, Вы должны признать, что мой муж в более трезвом уме, чем Вы: Вы даже не заметили, у Вас вещи уводят из-под носа. Оставляю Павла под Ваше покровительство.

ИГОРЬ. – Но разве Вы сами не видели, как он разговаривал с посетителями-призраками? Он с призраками разговаривает, Соня.

ПАВЕЛ. – Что тебе в голову приходит, невежественный страж? Я, который не верит в бога, поверит в призраки. Это я оставлю для тебя, я тебя видел несколько раз, как ты крестился.

ИГОРЬ. – Он на меня клеветает, Соня, я этого не потерплю. Последнее, чего мне не хватало, это чтобы он сказал, что я верующий. Мне, мне, коммунисту, атеисту и материалисту с рождения. Заберите его, если не хотите, чтобы я его арестовал за оскорбление власти.

СОНЯ. – Ладно, похожи на детей. Наливай водку, дорогой, и выпьем за Ленинград.

ПАВЕЛ. – Прекрасно, выпьем за Ленинград и за тебя, дорогая, и за тебя тоже, Игорь. И извини, если я тебя обидел. Я не хотел этого, прости меня. *(Подает руку Игорю)*

ИГОРЬ. – *(Сдержанно)* Прощаю, но чтобы было в последний раз, ясно?

СОНЯ. – Будьте здоровы, за дружбу.

ИГОРЬ и ПАВЕЛ. – Будьте здоровы.

ИГОРЬ. – Хороша водка. Хммм, столько времени уже не пил. Скажите мне, товарищ Соня, Вы же умная и занимаете высокий пост в Комитете. Вы думаете, что надо заботиться о будущем или ждать, чтобы все пришло своим чередом в свое время?

ПАВЕЛ. – Получается, что водка заставляет философствовать даже ослов.

ИГОРЬ. – *(Соне)* Вы думаете, что надо ждать, пока кто-то начнет агонизировать, чтобы...

СОНЯ. – *(Прерывая его)* Вы снова хотите меня вернуть к предыдущему спору? Я думала, что мы уже перевернули страницу.

ИГОРЬ. – Стало быть, нет. Я, как представитель власти...

ПАВЕЛ.—Закрой рот, власть, и пей.

ИГОРЬ. – Не как власть, а как старый друг, я думаю, что у тебя плохо с головой, Павел Филиппович. Слушай, иногда разговаривать с самим собой – мы все делаем это – но описывать картины, которые не висят, это уже что-то серьезное...

ПАВЕЛ. – Я, глупый, глупейший...

ИГОРЬ. – *(Прерывая его)* Дай мне закончить хотя бы раз, Павел!

СОНЯ. – Паша, дорогой, дай ему договорить.

ПАВЕЛ. – Ладно, говори, что хотел сказать.

ИГОРЬ. – Я говорил, что не вижу ничего плохого в том, что ты разговариваешь сам с собой. Странно, что ты описываешь картины, которых нет, и, что еще хуже, налей мне еще немного, спасибо. Еще хуже, что ты обращаешься к посетителям-призракам.

ПАВЕЛ. – Призракам?

ИГОРЬ. – Музей закрыт уже 18 месяцев, Павел.

ПАВЕЛ. – И что из этого?

ИГОРЬ. – Кроме того, ничего уже нет. Сегодня закончили работу шести месяцев. Поезд с последним грузом через несколько дней будет за Уралом или кто его знает, где. Здесь уже ничего нет.

ПАВЕЛ. – Ничего?

ИГОРЬ. – Ничего.

СОНЯ. – Здесь нет уже ничего, дорогой. *(Молчание)*

ПАВЕЛ. – Ничего, значит? Посмотрим, Вы не сможете отрицать, что нас здесь трое?

СОНЯ и ПАВЕЛ. – Нет.

ПАВЕЛ. – Хорошо, это многообещающее начало. Также не сможете отрицать, что мы находимся в Эрмитаже, правда?

СОНЯ. – Не отрицаю этого, дорогой. Мы находимся в музее Эрмитаж.

ИГОРЬ. – Я тоже этого не отрицаю. Налей мне еще чуть-чуть.

ПАВЕЛ. – *(Давая ему бутылку)* Пей, сколько хочешь, мудрый защитник искусства. Очень хорошо, по другую сторону этой стены находится река Нева. Это правда или ложь?

ИГОРЬ и СОНЯ. – Правда, правда.

ПАВЕЛ. – Хорошо идем, очень хорошо. То есть, хотя Нева у нас не перед глазами, мы можем описать эту прекрасную реку, мы знаем, что она замерзла, что мы можем идти по ней, не боясь провалиться. Более того, можем чувствовать течение под толстым слоем льда.

СОНЯ. – Ты прав, дорогой, но я не знаю, к чему ты все это ведешь.

ПАВЕЛ. – согласишься ли ты... *(ощущает сердечный приступ и кладет руку на грудь)*.

СОНЯ. – Тебе плохо?

ПАВЕЛ. – Нет, все прекрасно. Я говорил тебе, что мне хотелось бы, чтобы ты согласилась, что всегда, всегда перед нашим взором находятся те вещи и люди, которые мы ценим и любим.

ИГОРЬ. – Даже если их нет?

ПАВЕЛ. – Какая разница тому, кто что-то любит, есть это или нет, чтобы видеть и чувствовать это?

ИГОРЬ. – Ты нас запутываешь, потому что думаешь, что нам уже ударило в голову. Так вот, ты ошибаешься, я мог бы выпить пять бутылок водки и понять, если ты меня захочешь обмануть. *(Пауза)* Нет, Павел, 100 раз нет. Одно дело – Нева, и другое дело – картины, и хуже того – разговаривать с людьми, которых нет.

ПАВЕЛ. – Грубый Цербер, а с кем ты разговаривал сегодня утром через это окно? Или мы, дорогая Соня. Не спим вместе уже несколько месяцев, но разве мы не договаривались разговаривать каждую ночь перед сном и рассказывать друг другу, как провели день? Я это делаю, а ты?

СОНЯ. – Конечно, и слышу твой голос и твои советы, дорогой. Но я думаю, что это не одно и то же. Я тебя видела, как ты разговаривал с людьми, как будто они пришли на экскурсию, и это мне каже... *(Павла пронизает сильная боль в сердце, он кладет обе руки на грудь и падает на колени)* ДОРОГОЙ! ДОРОГОЙ! Игорь, помогите мне! Положим его в постель. *(С большим трудом его укладывают в постель)* Не так, его надо положить, чтобы голова была повыше. Так уже лучше. *(Растегивает ему воротник)*

ПАВЕЛ. – *(Тихим голосом)* Не волнуйся, жена, сейчас это пройдет. Еще не пришел мой час.

ИГОРЬ. – Вот видите, Соня, вот видите. Это то, о чем я говорил, Павел очень болен.

ПАВЕЛ. – *(Приходя в себя)* Я тебя еще закопаю, никчемный сторож.

ИГОРЬ. – *(Весело)* Я бы не удивился, ты восстанавливаешься очень быстро, проходимец.

ПАВЕЛ. – Уфффф... Думаю, что уже прошло. Да, уже прошло. Еще один испуг. Ты не волнуйся, Соня, это появляется, как молния, и также, как молния, исчезает. Принесла сигарет, дорогая?

СОНЯ. – Ты не должен курить, Паша. Тебе врач запретил.

ИГОРЬ. – *(Соне)* Я это могу за него сделать, моей ноге табак не вредит.

СОНЯ. – Оба должны будете подождать. В Ленинграде уже не осталось сигарет.

ПАВЕЛ. – Вот это действительно беда.

ИГОРЬ. – Да, очень большая беда.

ПАВЕЛ. – Не повторяй за мной, Игорек. *(Соне)* Давайте продолжим разговор. Итак, на чем мы остановились? А... да, ты говорила, дорогая, что я разговаривал с призра...

СОНЯ. – Оставь, дорогой, сейчас неважно.

ПАВЕЛ. – Важно, Соня. Очень важно.

СОНЯ. – Что мне важно, это чтобы ты отдохнул сейчас. Еще будет время поговорить обо всем, о чем ты хочешь.

ПАВЕЛ. – Нет, Соня, у нас нет времени. У меня нет много времени.

ИГОРЬ. – Разве ты не говорил, что меня еще закопаешь?

ПАВЕЛ. – Соня, продолжим разговор. Это важно, очень важно для меня. Если ты не видишь того, что вижу я, значит, я сумасшедший и был им всю свою жизнь. Это печально, Соня, печально.

ИГОРЬ. – Что за глупости ты говоришь, мудрец. *(Соне)* Никогда его таким не видел, можно дать ему глоток?

ПАВЕЛ. – И два, и три, в нашем состоянии нам уже не приходится экономить, выдающийся комиссар. *(Соне)* Продолжим разговор, Соня. *(Пьет из бутылки)* Я хочу убедить тебя, что я не сумасшедший.. Я вижу эти картины, Соня, я их вижу. И вижу людей, Соня, и разговариваю с ними, объясняю им, отвечаю на вопросы. Я – действующий экскурсовод, Соня. Ты мне веришь, дорогая? Веришь?

СОНЯ. – Да, верю, мой дорогой Павел. Я верю всему, что ты мне говоришь.

ПАВЕЛ. – Нет, Соня. Ты мне это говоришь, потому что хочешь порадовать старого безумца. Нет, ты мне не веришь. Ты сделала бы меня счастливым, если бы сказала, что не веришь, потому что тогда я смог бы...

ИГОРЬ. – *(Прерывая)* Если правда делает тебя счастливым, рассчитывай на меня. Я тебе не верю, здесь нет ни картин, ни посетителей. Сейчас порадуйся и передай мне бутылку, а то ты ее закончишь.

ПАВЕЛ. – Пей всю, Игорь. Тебя я не смог бы убедить ни в чем. Для тебя Луна всходит только ночью, а солнце – днем. Это действительно быть сумасшедшим. *(Соне)* Сколько времени мы уже вместе, дорогая? Двадцать лет?

СОНЯ. – Двадцать три, Паша, двадцать три.

ПАВЕЛ. – Так вот, я тебе клянусь, что это самый серьезный разговор за наши двадцать три года.

СОНЯ. – Тебе водка ударила в голову, дорогой Паша.

ИГОРЬ. – Не думайте, этот говорит так с водкой и без нее.

ПАВЕЛ. – Соня, дорогая, это необычайно важно. Я вижу эти картины и разговариваю с этими людьми.

СОНЯ. – Хорошо, дорогой, я тебе верю, ты видишь эти картины и разговариваешь с этими людьми. А сейчас отдохни, поспи немного. Мы все устали. Завтра вернемся к этому разговору.

ИГОРЬ. – Хорошая идея, товарищ Соня, отдохнем.

ПАВЕЛ. – *(Соне)* Ты думаешь, что кто-то может отдыхать, когда вдруг узнает, что его жена считает его сумасшедшим? *(Показывая на Игоря)* Мнение этого меня возвышает. Представь себе, что Игорь думал бы про меня, что я в таком же здоровом уме, как и он: это заставило бы меня считать, что я безнадежно потерян. Но, ты, дорогая, тебя я хочу убедить, что я не такой. *(Пауза)* Сделаем это. *(Поднимаясь с трудом с постели)* Пойдем смотреть картины.

ИГОРЬ. – Я запрещаю тебе подниматься, Павел Филиппович.

СОНЯ. – Твой друг Игорь Игоревич прав. Лучше отдохни, дорогой.

ПАВЕЛ. – Отдохну, когда умру. Пойдем, Соня, я тебе покажу некоторые картины, пойдем. С чего хочешь начать, с икон?

СОНЯ. – Но, дорогой, разве не ты сам сказал, что увезли последние иконы?

ПАВЕЛ. – Хм, женщина, эта деталь не имеет значения. Я их тебе покажу, они прекрасны.

ИГОРЬ. – *(Сам себе)* Он окончательно спятил. Ради Бога, чем это все закончится?

СОНЯ. – Ты хорошо себя чувствуешь?

ПАВЕЛ. – Замечательно.

СОНЯ. – У тебя есть силы двигаться?

ПАВЕЛ. – До Урала. Или еще дальше.

ИГОРЬ. – *(Сам себе)* Этот мне умрет прямо здесь.

СОНЯ. – Ты всерьез хочешь мне показать картины?

ИГОРЬ. – *(Сам себе)* Бог мой, эта тоже у меня получается сумасшедшая. Я пропал!

ПАВЕЛ. – Что ты там шепчешь, расторопливый комиссар? Пойдешь с нами осматривать Государственный музей Эрмитаж?

СОНЯ. – *(Оживленно)* Пойдем, Игорь Игоревич, у нас будет персональный экскурсовод. Какая роскошь!

ИГОРЬ. – Что с Вами, Соня, Вы тоже сошли с ума? Разве Вы не знаете, что здесь уже ничего нет?

СОНЯ. – Пойдем, проводите нас, Игорь Игоревич. Вы, как лучший друг моего мужа, не должны потерять это.

ПАВЕЛ. – Пойдем, трус, не бойся действительности.

ИГОРЬ. – Какая действительность? Это фантазия, сумасшествие, ахиня.

ПАВЕЛ. – Действительность, фантазия, сумасшествие, ахиня – это синонимы. Пойдем, я проведу короткую экскурсию, чтобы тебе не заболела нога. Короткая экскурсия, но избирательная, хорошо? Что тебе хотелось бы посмотреть, мой дорогой друг? *(Соне)* Этот разбирается в искусстве больше, чем ты можешь предположить, он постиг его путем постоянного вдалбливания информации при проведении экскурсий, ха, ха, ха.

ИГОРЬ. – Не издевайся. Кое-что понимаю, да-да.

СОНЯ. – Ну тогда проводите нас, поговорим об искусстве, прокомментируем картины.

ИГОРЬ. – Ну какие картины? Нет ведь ничего.

ПАВЕЛ. – Пойдем, дорогой Игорек.

СОНЯ. – Пойдем, дорогой Игорь Игоревич.

ИГОРЬ. – *(Берет одну лампу и тушит остальные)* Ладно, ладно, провожу вас, но чтобы знали, что делаю это не потому, что верю, а из-за дружбы. Да, и потому что я – комиссар музея и отвечаю за безопасность здания и его содержимого.

Все выходят.

ПАВЕЛ. – Я хорошо расслышал? Ты сказал, строгий комиссар, что отвечаешь за содержимое Эрмитажа?

ИГОРЬ. – Снова за свое, Паша... давай не будем...

ГАСНЕТ СВЕТ

2

Три человека входят в большой полутемный зал, Игорь несет керосиновую лампу.

ПАВЕЛ. – Обычно мы начинаем экскурсию с археологических залов...

СОНЯ. – *(С нетерпением)* Ты сказал, что покажешь нам картины.

ПАВЕЛ. – Хорошо, дорогая, пойдём в картинные залы, пропустим археологию. Я сказал об археологии, потому что она представляет

часть музея, которая интересует многих посетителей. У нас более 700 000 экспонатов.

ИГОРЬ. – *(С ехидством)* Аа, и ты хотел нам все их показать? Слушай, не преувеличивай свое сумасшествие, Павел.

ПАВЕЛ. – Игорь, не будь глупцом. Как ваш персональный экскурсовод, хотел сказать вам, какие у вас есть варианты.

ИГОРЬ. – Варианты? *(Раздумывая)* Ладно, я хочу начать с залов нумизматики.

ПАВЕЛ. – У нас огромное количество монет и медалей, больше миллиона. Хочешь, чтобы я показал тебе все?

ИГОРЬ. – Нет, *(Раздумывая)* хочу посмотреть только относящиеся к эпохе Ивана Грозного.

СОНЯ. – Какой Вы занудный, Игорь Игоревич. Монеты и медали – это самое скучное в музее.

ИГОРЬ. – Уважаемая Соня, Павел Филиппович нам сказал, что мы можем выбрать, что хотим посмотреть. Так вот, я хочу посмотреть монеты и медали.

ПАВЕЛ. – Так вот, я их тебе не покажу, Игорь. Пеняй на себя.

ИГОРЬ. – Ты – шарлатан.

ПАВЕЛ. – Это ты шарлатан. Здесь уже нет ни наград, ни монет. Мы все отправили за Урал.

ИГОРЬ. – Чтоооо?

ПАВЕЛ. – Чему ты удивляешься, ничтожный сторож. Наверное, ты сошел с ума, если просишь посмотреть монеты.

ИГОРЬ. – Меня сейчас хватит удар. Боже мой, сейчас получается, что сумасшедший – я?

ПАВЕЛ. – Конечно, просишь показать тебе вещи, которых нет. Разве не ты сам помогал их упаковывать и грузить на машины.

ИГОРЬ. – *(Очень нервно)* Этот человек меня убьет. Он меня убьет.

СОНЯ. – Ладно, Игорь Игоревич, не расстраивайтесь так. Это шутка.

ПАВЕЛ. – Никакая не шутка, дорогая. В музее не осталось ни одной монеты, ни медали.

СОНЯ. – Я это знаю, дорогой. Я это знаю. И картин тоже нет, хотя ты ведешь нас их показывать.

ИГОРЬ. – Очень верно сказано, товарищ Соня. Я уж боялся, что Вы тоже немного... Вы меня понимаете.

ПАВЕЛ. – Картины – это совсем другое дело. Эти картины... эти картины... но зачем вновь возвращаться к прежнему разговору. Пойдем посмотреть их, удостоверьтесь в этом сами. Начнем с икон. *(Игорь пугается)* Чтобы не устал этот хромой, остановимся только на одной из них: архангела Святого Гавриила, более известной как “Ангел с золотыми волосами”.

ИГОРЬ. – Это не картина, это икона.

ПАВЕЛ. – Иконы – это тоже картины, невежа.

ИГОРЬ. – Это больше, чем картины. Об этом все знают.

ПАВЕЛ. – Начнем со Святого Гавриила.

ИГОРЬ. – *(Очень нервно)* Святой Гавриил, нет, нет. Я сказал, что нет.

СОНЯ. – *(Сердито)* Хватит уже! Довольно! Вы мне надоели. Если будете спорить, мы ни к чему не придем. Похожи на школьников. *(Пауза)* Павел, дорогой, покажи нам, что ты хотел, но чтобы быстро. Не забывай, что я должна вернуться до рассвета в Комитет. А Вы, Игорь Игоревич, ограничьтесь проводить нас и не открывайте больше рта.

ИГОРЬ. – Вы со мной так не разговаривайте, не забывайте, что я – комис...

СОНЯ. – Замолчите, человек! Вы мне уже надоели! Не смейте открывать больше рот, я Вам говорю!

ПАВЕЛ. – Моя дорогая Соня, я тебя прошу, не веди себя так с Игорем. Он неотесан, но хороший человек. Пускай говорит, что хочет.

СОНЯ. – Я тебя не понимаю, Павел. Не знаю, как ты можешь защищать этого... этого...

ПАВЕЛ. – Этого пня? Да, Соня, я должен его защищать. Друзья – это вид на грани исчезновения, надо заботиться о них, как о золоте, а... и терпеть их. Да, терпеть их.

ИГОРЬ. – Спасибо, Павел.

ПАВЕЛ. – Не за что, Игорь, не за что.

СОНЯ. – Ладно, ладно. Извините, но закончим это в конце концов. Если будете продолжать ругаться, я сразу же уйду.

ПАВЕЛ. – Добрó. Прекратим ругаться, Игорь.

ИГОРЬ. – Прекратим, Павел.

ПАВЕЛ. – Очень хорошо, очень хорошо. Тогда пропустим иконы и пойдем сразу смотреть моих любимых художников.

ИГОРЬ и СОНЯ. – Согласны, согласны.

ПАВЕЛ. – Начнем с испанца Веласкеса. Идите сюда, следуйте за мной. Используя возможность, пока идем, расскажу вам об Эрмитаже. *(Павел идет впереди, проходя залы, жестикулируя и рассказывая со своей обычной велеречивостью о здании. В нескольких шагах за ним следуют Игорь и Соня.)* Этот музей являлся Зимним дворцом царей. Он был построен итальянским архитектором Бартоломео Растрелли и закончен в ... *(Павел продолжает рассказывать про себя, так что не разобрать всего, что он говорит*.* Он не обращает внимания на диалог между Игорем и Соней)

ИГОРЬ. – *(Соне, шепотом)* Вы думаете, мы увидим картины?

СОНЯ. – Не знаю, не знаю.

ИГОРЬ. – Как не знаете? Здесь не осталось ни одной картины.

СОНЯ. – Я знаю это, знаю.

ИГОРЬ. – Тогда что...?

СОНЯ. – Я хочу посмотреть, что делает мой муж.

ИГОРЬ. – Аа.. уже понимаю. Вы хотите увидеть, действительно ли Ваш муж сошел с ума.

СОНЯ. – Я не совсем уверена в том, что он сумасшедший. Говорит вещи вполне последовательные.

ИГОРЬ. – Но как мы увидим картины, если их нет?

СОНЯ. – Говорите потише.

ИГОРЬ. – Невероятно, я думаю, что Вы тоже сошли с ума.

* **Продолжение объяснения Павла:** 1762 году. Екатерина Великая стала первым жильцом этого впечатляющего дворца с 460 комнатами. В нем мы видим огромные залы, величественные лестницы, церковь огромных размеров и даже театр. Официальные залы декорированы в самом что ни на есть чистом стиле русского барокко 18 века. К его открытию Екатерина Великая купила у одного берлинского торговца искусством 225 ценнейших полотен, которые стали ядром художественной коллекции. Со временем она расширялась и превратилась в то, что представляет сегодня: самый большой музей мира.

СОНЯ. – Возможно, но в любом случае потому, что я схожу с ума по моему мужу.

ПАВЕЛ. – *(С обычной велеречивостью)* Значит, так, дорогие посетители, мы находимся в первом из залов, которые мы сегодня посетим. Как вы уже могли увидеть, она посвящена испанской живописи, в основном, художнику Диего Веласкесу. Веласкес родился в 1599 году и умер в 1660 году. Он заслужил славу, как портретист. Он изображал королей, римских пап и могущественных людей своего времени. Также он рисовал пьяниц, нищих и калек. На всех своих портретах он смог показать, что за физическими характеристиками персонажа находится человек, который мог любить, ненавидеть, сомневаться, терзать себя или издеваться над самим собой. В общем, показал человека со всеми его слабостями и достоинствами, присущими человеческому роду. Сейчас я вам покажу образец его великолепного творчества. *(Прочищая горло)* Эхем, эхем... Честью для Эрмитажа является наличие в нем портрета графа-герцога Оливареса. Он создан около 1630 года, когда Оливарес был могущественным человеком в Испании, а Испания была одним из сильнейших государств мира. Обратите внимание, друзья, на суровость портрета... *(Павел продолжает говорить*, как будто показывает картину, висящую на стене, не обращая внимания на своих приглашенных. Пока Павел жестикулирует и говорит, хотя при этом трудно разобрать его речь, Соня его очень внимательно слушает, а Игорь отрицательно качает головой)*

ИГОРЬ. – *(Соне, шепотом)* Я ничего не вижу, а Вы?

СОНЯ. – Дайте послушать объяснение.

ИГОРЬ. – Соня, Соня, Вы еще не убедились? Ваш муж потерял рассудок.

СОНЯ. – *(Глядя на стену, на которую показывает Павел)* Хум, хум.

* **Продолжение объяснения Павла:** Де Гаспар де Гусман и Пиментель, граф-герцог де Оливарес, который был фаворитом и ценителем Филиппа IV. *(Пауза)* Этот король с мягким характером скоро оставил правительство и жизнь двора в руках этого человека, воспитанного, чтобы подчинять себе других. Оливарес расставил своих друзей на самые ключевые посты в королевстве, отвергая и уничтожая всех тех, кто становился на его пути. Его правление длилось 20 лет, на протяжении которых он завоевал как уважение, так и страх испанской знати.

ИГОРЬ. – Соня, этот человек – сумасшедший. Я ничего не вижу. И Вы тоже. Правда, Вы ничего не видите? Правда? Правда?

СОНЯ. – *(Не отрывая взгляда от стены)* Не будьте бестактны, Игорь Игоревич.

ИГОРЬ. – Скажите мне правду, Соня Филипповна. Вы видите что-нибудь? Вы видите что-нибудь, Соня?

СОНЯ. – Ну Вы и надоедливый, Игорь Игоревич.

ПАВЕЛ. – *(Продолжая объяснение)* ...удивляет, конечно, что Веласкес изобразил этого богатого и невероятно могущественного человека в строгом черном костюме без кружев и украшений. Возможно, возобладали государственные причины. Тем не менее, мрачность и строгость одеяния гармонирует с темным цветом его волос и бороды и в то же время придает его лицу больше ясности и выразительности. *(продолжает разговаривать*, хотя его никто не слушает)*

ИГОРЬ. – Соня, Соня, куда Вы смотрите? Что Вы рассматриваете?

ПАВЕЛ. – *(Продолжая объяснение)* ...первое впечатление, которое у нас создается, это как о человеке доброжелательном, чутком, возможно, даже нежном. Это мог бы быть портрет заботливого отца семьи *(Продолжает говорить**, но его никто не слушает. В этот момент Соня вздрагивает: ей почудилось, что она увидела тень портрета на стене, который на самом деле появляется через проектор)*.

ИГОРЬ. – Вы что-нибудь увидели, Соня? Соня, Соня, отвечайте мне.

СОНЯ. – *Не отрывая взгляда от стены, делает Игорю жест рукой, чтобы оставил ее в покое.*

ПАВЕЛ. – *(Продолжая объяснение)* ...но если вы хорошо взгляните, то за этой его улыбкой и нежным выражением лица сможете увидеть взгляд человека, который может быть жестким, возможно, жестоким, и, без всякого сомнения, скрытым. В общем, кто не заслуживает к себе доверия. Умный, да; проницательный – тоже; но в первую очередь, хитрый и опасный, опасный до степени негодяйства. Естественно, маэстро

* **Продолжение объяснения Павла:** Обратите внимание, как на его широкий и открытый лоб падает свет, который его еще больше выделяет.

** **Продолжение объяснения Павла:** или ласковый дедушка, который души не чает в своих внуках.

Веласкес не дал себя ввести в заблуждение обманчивой внешностью и показал нам настоящее лицо графа Оливареса. *(Пауза)* Сконцентрируйте вновь свое внимание на его взгляде, только на его взгляде, и вы увидите, как *(продолжает говорить***, его никто не слушает)*

(Соня снова вздрагивает: она увидела глаза, спроецированные на стене в течение краткого промежутка времени, но более длительного, чем в первое появление)

ИГОРЬ. – Соня, Соня, что с Вами?

ПАВЕЛ. – (Заканчивая свое объяснение и поворачиваясь к своим приглашенным) Да, дорогие друзья, этот портрет является одним из главных достижений маэстро Веласкеса. Он просто великолепен. *(Пауза)* Вам понравился?

ИГОРЬ. – Я ничего не видел.

ПАВЕЛ. – Ничего, ничего?

ИГОРЬ. – Ничего.

ПАВЕЛ. – Возможно, тебя подводит зрение, дорогой комиссар. Что поделаешь, возраст. Но ты не волнуйся, как только закончится блокада, мы отведем тебя, чтобы сделали тебе хорошие очки.

ИГОРЬ. – Я вижу очень хорошо, Павел. Но на этой стене ничего нет.

ПАВЕЛ. – Не беспокойся, Игорь, когда у тебя будет то, что надо, увидишь все по-другому. *(Пауза)* А тебе, Соня, как тебе показалась картина?

СОНЯ. – Мне больше всего понравилась манера, как ты объяснил выражение взгляда. Действительно, есть в нем что-то злорадное.

ИГОРЬ. – Товарищ Соня, не говорите мне, что Вы виде...

ПАВЕЛ. – Ай, Игорь, Игорь, тебе нужны очки.

ИГОРЬ. – Какие очки? Никакие не очки. Это вам надо немного здравого рассудка.

ПАВЕЛ. – Твоя слепота исправляется хорошими очками. Знаешь, требовательный страж, что был один известный художник, который создал замечательные картины, будучи почти слепым?

* **Продолжение объяснения Павла:** его сила заставляет нас вздрогнуть, затаить дыхание.

ИГОРЬ. – Об этом я уже слышал, но никогда не верил. Не забывай, что я здесь сторожу всю свою жизнь и слышал тысячи невероятнейших историй. Не верю, что слепой может рисовать.

СОНЯ. – Я тоже.

ИГОРЬ. – Ну наконец-то, Соня!

ПАВЕЛ. – Так вот это случилось с Монетом. На мой вкус, свои лучшие картины он нарисовал уже слепым.

СОНЯ. – Не может быть, дорогой.

ИГОРЬ. – Не такие уж мы тупые, Павел.

ПАВЕЛ. – Клянусь, это есть в книгах. Если Бетховен сотворил свою девятую симфонию, будучи глухим, почему Монет не мог рисовать слепым?

ИГОРЬ. – Потому что нет.

ПАВЕЛ. – Пойдем помотрим картины, которые нарисовал слепой. Согласны?

СОНЯ. – Мне бы хотелось.

ИГОРЬ. – Ты будешь водить нас с одного места на другое, чтобы ничего не увидеть. Кроме того, я знаю все наизусть все его картины.

ПАВЕЛ. – *(Соне)* Что я тебе говорил? Он знает много об искусстве. *(Игорю)* Сделай усилие, человек, пойдем посмотрим Монета, обрати внимание, что он имеет для нас очень большое значение. Он написал свои лучшие картины в то время, как Франция сражалась против Германии в Первую мировую войну.

СОНЯ. – Расскажи мне об этом, дорогой.

(Снова начинает быть слышна далекая канонада, которая не прекращается до конца этой сцены)

ПАВЕЛ. – Да, уже старый и с катарактами Монет боролся за свою страну, затворившись, чтобы создать огромное произведение и подарить его своим соотечественникам, когда Франция победит. *(Пауза)* То, что он сотворил, чудесно. Он создал изумительную симфонию цветов, которая демонстрирует кувшинки и ирисы в безмятежном созвездии прудов, над которыми скользят нависающие растения. Он создал прекрасный гимн миру. *(Пауза)* Его целеустремленность была высоко оценена

соотечественниками. Так, среди страданий и мук войны все следили за ходом его работы над этим произведением. Даже президент Клемансо...

ИГОРЬ. – *(Прерывая)* Кто, кто?

ПАВЕЛ. – Клемансо. Даже президент Клемансо посещал его, подвергая себя большому риску. *(Пока он говорил, на стене на короткое время появлялись некоторые картины Монета. Соня их смотрела, замороженная, а Игорь не верил своим глазам и тер их)* Хорошо, готовы идти смотреть Монета?

ИГОРЬ. – *(Еще в замешательстве)* Нет, нет, я же... я...

ПАВЕЛ. – Ты устал? Если хочешь, оставим на потом.

ИГОРЬ. – Да, лучше потом.

ПАВЕЛ. – Ты прав, не знаю, почему я заговорил о Монете, он далеко, а с твоей ногой...

ИГОРЬ. – Не волнуйся за мою ногу. Я тоже могу дойти до Урала.

СОНЯ. – Дорогой Паша, история о Монете просто замечательна, я думаю, что мы должны распространить ее среди наших товарищей. Кроме того, эти прекрасные цвета так оптимистичны, так полны надеждой и жизнью.

ИГОРЬ. – Не говорите мне, что Вы их сейчас видели? Монет находится на втором этаже.

ПАВЕЛ. – Это правда, Монет выше. Думаю, что раньше мы могли бы посмотреть других художников. Следующий зал посвящен Рембрандту.

СОНЯ. – Хорошо, пойдем в зал Рембрандта, если хочешь, но не забудь отвести нас этой ночью посмотреть Монета.

ИГОРЬ. – Обязательно надо смотреть Рембрандта? Я провел шесть лет в его зале.

ПАВЕЛ. – Рембрандт – это художник, которого никогда не устанешь смотреть.

СОНЯ. – Чудесно, веди нас.

(Павел идет впереди, за ним следуют остальные двое)

ИГОРЬ. – *(Соне)* Соня, Вы видели там картины Монета?

СОНЯ. – А Вы?

ИГОРЬ. – Признаюсь, что Ваш муж сбил меня с толку. Не знаю, не знаю.

СОНЯ. – Что Вы не знаете, комиссар? *(Павлу, который резко останавливается и хватается руками за грудь)* Дорогой, дорогой. Что с тобой, что с тобой?

ПАВЕЛ. – Минутку, минутку. Уфф, подождем минутку. *(Пауза)* Минуточку... *(Игорь подходит к какому-то ящику, чтобы присесть)*

СОНЯ. – Я думаю, что мы должны прервать экскурсию. Ты выиграл, дорогой, ты был прав, твои картины продолжают оставаться здесь.

ПАВЕЛ. – Уфф, уфф. Дорогая, я думаю, что уже прошло. На этот раз все прошло быстро. *(Делает несколько глубоких вдохов и выдохов)* Да, действительно, уже проходит, уже проходит.

ИГОРЬ. – Оставим это, Павел.

ПАВЕЛ. – Нет-нет.

ИГОРЬ. – Давай оставим экскурсию. Соня права, ты нас убедил. Я тоже видел картину Веласкеса.

ПАВЕЛ. – Слабоумные не умеют врать, Игорь.

ИГОРЬ. – Я тебе клянусь, что я ее видел. Картины Монета я тоже видел, не правда ли, Соня?

ПАВЕЛ. – Монет наверху, идиот.

ИГОРЬ. – Да, но я их видел здесь. Наверное, кто-то их спустил.

ПАВЕЛ. – *(Вставая)* Какой ты нелепый, Игорь, сейчас ты хочешь меня убедить, что видишь больше меня. *(Пауза)* Я уже отошел, мне уже хорошо. Пойдем смотреть Рембрандта. Открой хорошо глаза, Игорь, и не ври мне больше. Нельзя врать друзьям. Обещай мне это.

ИГОРЬ. – Обещаю тебе, Павел.

ПАВЕЛ. – Игорь, если ничего не видишь, скажи мне. Я не рассержусь. *(Соне)* Это тебя тоже касается, дорогая. Скажи мне правду, я не хочу умереть, сомневаясь в тебе.

СОНЯ. – Не говори мне о смерти, дорогой Паша! Пойдем смотреть твоего Рембрандта.

ПАВЕЛ. – *(Входя в смежный зал)* Здесь у нас находятся 24 замечательные картины Рембрандта, моя любимая из них – “Даная”. Идите сюда. *(Проходит несколько шагов к стене)* Посмотрите на нее внимательно.

ИГОРЬ. – *(Находится в нескольких шагах от Павла)* Не там. Здесь же она, напротив меня.

ПАВЕЛ. – Чтооооо?

ИГОРЬ. – Ты что, слепой? Даная не там, она здесь.

ПАВЕЛ. – Какая разница, чуть дальше или чуть ближе?

ИГОРЬ. – Большая. Если хочешь присутствовать на экскурсии с экскурсоводом, должен вести себя хорошо. Даная всегда была здесь. В двух метрах от стены, рядом с стулом сторожа. Это ее место. Это и никакое другое.

ПАВЕЛ. – Ты все преувеличиваешь, нет никакой разницы.

СОНЯ. – *(Раздраженно)* Пожалуйста, не принимайтесь опять за свое. *(Павлу)* Пожалуйста, дорогой, пройдите туда, куда Вам указывает Игорь, и начнем.

ПАВЕЛ. – *(Приближаясь немного к Игорю)* Здесь хорошо?

ИГОРЬ. – Нет, там тоже нет. Даная здесь, прямо напротив меня.

ПАВЕЛ. – *(Приближаясь к тому месту, на которое указал Игорь)* Ладно, ладно. Сейчас доволен? Хорошо. Как я уж говорил, Даная – это моя любимая картина Рембрандта. В ее создании лежит очень интересная история.

ИГОРЬ. – Можешь пропустить историю, мы ее уже знаем.

ПАВЕЛ. – Да что ты говоришь! Ну-ка, расскажи мне ее.

ИГОРЬ. – Я? Да ты что? Я ее знаю, но не хочу утомлять ею Соню.

СОНЯ. – Вы мне нисколько не докучили бы. Расскажите, Игорь Игоревич, заодно освежите мне память.

ПАВЕЛ. – Расскажи, комиссар, или замолчи навсегда.

ИГОРЬ. – Ты думаешь, я испугался? Ну так вот, я вам ее расскажу. Возьми мое ружье, но только осторожно, чтобы оно в тебя не выстрелило *(Игорь передает ружье Павлу, а лампу – Соне, затем принимает позу экскурсовода и имитирует его высокопарность)* Эхем, эхем... уважаемые друзья, музей Эрмитаж имеет честь хранить в своей драгоценной коллекции одну из самых выдающихся картин голландского художника Хаммерзонна Ван Рийна, более известного, как Рембрандт. Эта картина основана на одной истории из мифологии. Значит, так, король Аргоса был предупрежден оракулом о том, что его дочь Даная родит сына, который его убьет. Испугавшись этого предсказания, король заточил свою прекрасную дочь в одной темной комнате под строжайший надзор. Кроме

ее старой служанки, никто не имел право видеть ее. Однако все эти меры оказались недостаточны, чтобы предотвратить желание Зевса, знающего о красоте Данаи, завладеть ею. Хитрый и влюбчивый бог решает войти в охраняемую комнату, превратившись в золотой дождь. Другие известные художники, как Тициан, нарисовали ту же самую историю. В случае с Тицианом, Зевс превратился в дождь из золотых монет, чтобы подкупить служанку и обворожить девушку. Сто лет спустя один шведский художник, звавшийся Ульрихом Вертмюллером, нарисовал Данаю такую... такую... скажем, сексуальную, что показывал ее по США за деньги, так как ни один музей не осмеливался выставить картину. Произведение Рембрандта, как вы сами можете сейчас оценить, более романтично и изысканно. *(Делая глубокий реверанс)* Уважаемые товарищи, имею честь представить вам Данаю Рембрандта *(Павлу)* Ладно, можешь продолжить...

ПАВЕЛ и СОНЯ. – *(Аплодируя)* Bravo, bravo, замечательно, Игорь, поздравляем.

СОНЯ. – Признаюсь, что Вы меня просто удивили, товарищ Игорь. Не представляла я, что у Вас есть ораторские способности.

ПАВЕЛ. – Я всегда подозревал, что ты – большой лицемер, Игорь. Несчастный лицемер.

ИГОРЬ. – Ничего подобного, дело в том, что, как сторож, я должен был проглатывать много лет твои объяснения. Ладно, давай мое ружье.

ПАВЕЛ. – На самом деле, ты превосходен, да-да. Большущий обманщик.

ИГОРЬ. – Не обманщик. Я не обманываю, за исключением чрезвычайных случаев.

ПАВЕЛ. – Как, например, когда ты сказал мне, что видел картину Веласкеса?

ИГОРЬ. – Это хороший пример чрезвычайного случая, спасибо. Дело в том, что на стенах действительно нет ни одной картины, Павел.

ПАВЕЛ. – И даже этой, с Данаей?

ИГОРЬ. – Если хочешь правду, скажу тебе, что нет здесь ни Данаи, ни какой-либо другой картины.

ПАВЕЛ. – Обостри свое зрение, слепец, и храни молчание, пока я буду ее описывать. *(Соне)* Хочешь, чтобы я рассказал об этой картине, дорогая?

СОНЯ. – Конечно, дорогой. Я жажду этого.

ПАВЕЛ. – Как вы видите, перед вами – Даная. Великолепная Даная, молодая, непорочная, нежная, и одновременно чувственная, почти томная. Вам кажется, что она чуть полновата? Возможно, да, Даная – девушка роскошная и прекрасная, соответствующая всем канонам красоты того времени. Обратите внимание, наша Даная – далеко не тучная и без целлюлитиса, как Грации Рубенса. Посмотрите хорошо, у нее крепкие и чувственные бедра и руки. Ее маленькая, девичья, упругая грудь еще не познала, что такое кормление ребенка. Что она, обнаженная, делает на кровати? Вполне очевидно, что она не собирается спать или просто отдохнуть. Обратите внимание на ее кокетливую прическу, как будто она приготовилась пойти на праздник. Ее единственным облачением являются изящные браслеты из жемчуга и кораллов, напоминающие о морском происхождении Венеры. *(Во время объяснения Соня начинает обзирать проекцию картины, в то время как Игорь смотрит на пол, на потолок, как будто показывая своим видом, что это ему неинтересно)* (Игорю) Видишь картину, ничтожный комиссар?

ИГОРЬ. – Видеть что? Как ты заморозил свою жену? Смотри ты, какой остроумный.

СОНЯ. – Продолжай, пожалуйста, Павел, ты остановился на “ее браслетах из жемчуга и кораллов, напоминающих о морском происхождении Венеры”.

ПАВЕЛ. – Дело в том, что Игорек мне не помогает.

СОНЯ. – Сделай это ради меня, Павел, продолжай: “ее браслеты напоминают о Венере”. Что дальше, что дальше?

Павел. – *(Игорю)* Ладно, комиссар, делай, что хочешь. *(Принимая свою лозу)* Сконцентрируем наше внимание на ее позе. Даная мягко возлежит на своей кровати, оставляя место своему любовнику, который вот-вот должен прийти. Все в ней – само приглашение, мы даже можем ощутить запах ее экзотических духов, которыми она попользовалась.

ИГОРЬ. – *(Ударяя ногой)* Духи! Ну и загнул! Как ты можешь говорить такое?

ПАВЕЛ. – Посмотри хорошо, Игорь Игоревич. Огляди эту комнату, полную мягких восточных ковров и тяжелых штор. Обрати внимание на эти чудесные тапочки, вне всякого сомнения, персидские, которые

торопливость, вызванная желанием, расположила несколько беспорядочно на коврике. *(Игорь начинает видеть картину на стене)* Все необычно в этой комнате. Интимный полумрак располагает к запрещенному, к эротике. В общем, тени провоцируют и стимулируют сладострастие. И именно в этот момент падает золотой дождь, этот золотой сноп света, в который превратился Зевс. Даная поднимает свою жаждущую руку к нему, она нетерпелива, она не может больше ждать, хочет укоротить расстояние. Посмотрите, как у ее изголовья озорной и непреклонный Купидон с упоением созерцает сцену. Даная Рембрандта – это не история об изнасиловании, совершенном бессовестным и бесчувственным богом. Наоборот, это любовная встреча, давно ожидаемая, которая впечатляет нас своей романтичностью и нежностью.

СОНЯ. – Прекрасное объяснение, Паша. Спасибо, спасибо. Это замечательная картина.

ИГОРЬ. – Ты не закончил свою работу. А что со старухой?

ПАВЕЛ. – Ты прав, извини. Не знаю, как это я мог забыть о твоей коллеге. Эхем... эхем... За шторой вы можете увидеть старую охранницу, она держит большую и бесполезную связку ключей. Она парализована, неподвижна, без какого-либо выражения, возможно, ее парализовал Зевс. В любом случае, женщина является немым свидетелем счастливого события. Удовлетворен, Игорь Игоревич?

ИГОРЬ. – Неплохо, Павел Филиппович. Неплохо.

ПАВЕЛ. – Потом признаешь, что видел картину.

СОНЯ. – *(Прерывая)* Дорогой, я думаю, что то, что ты делаешь, стоит того, чтобы вновь открыть музей. Я предложу Комитету по защите направлять сюда каждую ночь группы товарищей, чтобы ты мог проводить экскурсии, которые ты считаешь наиболее нужными.

ИГОРЬ. – Это невозможно, товарищ Соня. У нас нет гардероба, кассы закрыты, не работают туалеты. Послушайте, у нас нет даже света.

СОНЯ. – Как сказал бы мой муж, это детали, не имеющие значения. Если Комитет прикажет открыть музей, Вы должны будете его открыть. Как ты считаешь, мой дорогой? *(Тишина)*

ПАВЕЛ. – *(Думает, расхаживает, нервничает, кружится на одном месте)*

СОНЯ. – Что с тобой, дорогой? Ты недоволен? Придут настоящие люди, люди из мяса и костей.

ПАВЕЛ. – Настоящие люди?

СОНЯ. – Да, люди из мяса и костей.

ПАВЕЛ. – И ты хочешь, чтобы я провел экскурсию для этих людей?

СОНЯ. – Да, такую же, как ты провел с нами.

ПАВЕЛ. – Не знаю, не знаю. Тебе и Игорю я доверяю, вы как часть меня.

ИГОРЬ. – Павел, не усложняй, ведь проводил ты экскурсии с людьми, которых видел только ты.

СОНЯ. – Действительно, разве я не видела тебя этой ночью, когда ты прощался с группой посетителей? Ладно, единственное, что ты должен сделать, это провести такую же экскурсию с людьми, которых тебе пришлет Комитет.

ПАВЕЛ. – *(Нервно кружится на месте. Тишина)* Эти посетители... эти посетители были... Нет, это не одно и то же, те были мои... ладно, то, о чем ты меня просишь, это совсем другое.

СОНЯ. – Дорогой Паша, я тебя не понимаю.

ПАВЕЛ. – Меня не удивляет, что ты меня не понимаешь. Я сам себя не понимаю, но это нормально, я никогда не сделал серьезного усилия, чтобы понять себя.

СОНЯ. – Давай, Паша, решайся. Придет много людей.

ИГОРЬ. – Станный человек, Соня, очень странный.

ПАВЕЛ. – Все мы странные и сложные, даже ты, Игорь. Даже ты, безграничный простак.

СОНЯ. – Может быть, ты не хочешь проводить экскурсии, потому что думаешь, что ты нездоров?

ПАВЕЛ. – Мое здоровье может выдержать.

СОНЯ. – Тогда, Павел, в чем же дело? Ты не отдаешь себе отчета, что поднял бы дух многим товарищам? У Комитета уже не остается идей, чтобы поддерживать высокий моральный дух соотечественников. Все мы должны помогать друг другу.

ИГОРЬ. – Рассчитывайте на меня, товарищ Соня. Я приму наилучшим образом всех, кого пришлет Комитет по защите.

СОНЯ. – Спасибо, Игорь Игоревич, Вы – образцовый гражданин. *(Павлу)* Хорошо, дорогой, можем ли мы рассчитывать на тебя?

ПАВЕЛ. – *(Нервно ходит кругами)* Я думаю, что вы меня не поймете, не поймете меня.

СОНЯ. – *(С твердостью)* Не преувеличивай, Павел. *(Тишина)* Я очень сожалею, но сейчас не время разводиться. Ты – экскурсовод Эрмитажа и должен будешь делать то, что тебе прикажет Комитет.

ПАВЕЛ. – Вот так, значит, да? То есть, в конце концов, твой муж для тебя ничего не значит.

СОНЯ. – Не будь несправедливым, Павел. Ты знаешь, что я тебя обожаю с того момента, как мы познакомились.

ПАВЕЛ. – Да, но в момент истины...

СОНЯ. – Я не хотела, чтобы дошло до этого, дорогой, но Ленинград – превыше всего. Превыше всего. *(Пауза)* Ты продемонстрировал, что можешь проводить экскурсии по Эрмитажу и будешь их проводить, если Комитет тебе прикажет.

ПАВЕЛ. – *(Тишина)* То есть, это еще не окончательно, возможно, Комитет не примет это.

СОНЯ. – Возможно, но невероятно. Не думаю, что воспротивятся моим рекомендациям, Павел.

ПАВЕЛ. – Так, так. А если я серьезно заболею?

СОНЯ. – Ты мне уже показал, что восстанавливаешься очень быстро, дорогой. *(Слышны близкие разрывы бомб)* Разговор окончен. *(Смотрит на часы)* Я должна бежать, береги себя, моя любовь. Вернусь скоро с новостями.

ПАВЕЛ. – Будь осторожна, Соня, будь очень осторожна. Смотри, если с тобой что-то случится...

СОНЯ. – Даже не думай об этом, дорогой. Лучше позаботься о себе, потому что я знаю, что пока ты жив, я защищена твоей любовью.

Когда Соня, прощаясь, целует своего мужа, становится темно.

3

Та же декорация, что и в сцене 1. Павел склонен над своим топчаном. Смачивает и выжимает платок в емкости с водой (которая стоит на ящике, служащем в качестве ночного столика) и прикладывает его ко лбу. Игорь готовит отвар в самоваре. Слышны редкие и далекие взрывы.

ИГОРЬ. – Эта отвар тебе поможет. *(Тишина)* Тебе уже лучше? *(Пауза)* Чуток лучше? *(Тишина)* Плох ты, если даже не разговариваешь.

ПАВЕЛ. – Думаю, что я уйду из этого мира, Игорек. Начинаю чувствовать этот холод, который я давно уже ждал, что он мне стал знаком.

ИГОРЬ. – *(Прерывает приготовление отвара и накрывает ноги Павла одеялами со своего топчана)* Давай, укутайся этим. Сейчас все пройдет, ка только выпьешь отвар. *(Возвращается к приготовлению отвара)*

ПАВЕЛ. – От этого путешествия не спасут ни отвары, ни чудодейственные настои. *(Громко)* Я тебя не боюсь, смерть-подруга. *(Сбрасывает одеяла, встает, говорит в бреду)* Забери меня с собой, но

сделай это быстро. Не трать время на какого-нибудь защитника Ленинграда, я займу его место. Я готов. Я более, чем готов, я уже задержался здесь. Да, но не смешивай меня с немцами. Пускай они уходят к своим валькириям, меня же заведи к дружественным людям, к художникам, скульпторам, заведи меня к Монету, Веласкесу, направь меня к Репину или к безумному Ван Гог, или к глухому Гойе. Направь меня к Родину, к Микеланжело. Хочу, наконец, поговорить с Леонардо и Рафаэлем, хочу провести время с Ренуаром и Писсарро. В конце концов, старая подруга, ты умная, заведи меня к кому хочешь. Неважно, если они будут в самом аду, пойду и туда. Конечно, я бы предпочел рай, чтобы продолжить служение моим любимым маэстро. *(Пауза)* Чего ждешь, глухая старуха! Чего ждешь! С кем ты сейчас возишься! Здесь твой старый товарищ, твой почти любовник *(Падает, обессиленный)*

ИГОРЬ. – *(С трудом проводит Павла снова к топчану, где усаживает его и укутывает)* Павел, успокойся, успокойся. Что я буду без тебя делать, мой друг, ты меня не можешь оставить одного. *(Идет к самовару и приносит ему отвар)* Выпей немного, тебе станет лучше. Выпей немного, так, еще глоток. Павел, еще глоток. Тебе болит голова? *(Павел отрицательно кивает головой)* У тебя подскочило давление? *(Он отрицает)* Сердце? *(Он отрицает)*

ПАВЕЛ. – *(Слабым голосом)* Знаешь, Игорь? Это еще хуже, мне давит в груди. Я думаю, что это последнее усилие этого дряхлого тела, чтобы продолжать удушать мой дух. Проклятый каркас, не удерживай меня больше, освободи меня.

ИГОРЬ. – Я думаю, что у тебя жар, в этом все дело.

ПАВЕЛ. – Игорь, друг мой. Это неминуемый уход открыл мне глаза.

Игорь. – Ничего не изменилось, Павел, все по-прежнему. Мы устояли против немцев около двух лет, и у нас еще есть силы надолго. В любом случае, ты должен быть доволен, Соня принесет хорошие новости, и ты сможешь вновь проводить свои экскурсии, но уже настоящие.

ПАВЕЛ. – Это как раз то, что меня убивает, Игорь. Я уже не могу быть ничьим экскурсоводом на этой несчастной земле.

ИГОРЬ. – Сейчас, конечно, нет. Подождем, пока ты поправишься.

ПАВЕЛ. – Послушай, дорогой глупец, сделай усилие. Проблема не в моем здоровье, проблема в том, что... что... Смотри, иллюзиями или фантазиями нельзя поделиться, они – частная собственность, что бы ни говорил Сталин.

ИГОРЬ. – Не выступай против Сталина, Павел Филиппович!

ПАВЕЛ. – Ну ты и осел. Я тебе говорю, что иллюзии и фантазии существуют для каждого в отдельности. Сейчас, когда я уже ухожу, я понял, что иллюзии уйдут со мной, а действительность останется нетронутой.

ИГОРЬ. – Но разве ты мне не говорил, что действительность, иллюзия, фантазия – синонимы?

ПАВЕЛ. – И подтверждаю это, они – синонимы, но для каждого из нас они свои. Однако есть вещи, которые не могут и не должны быть разделенными. Понимаешь? *(Пауза)* У всех у нас есть фантазии, даже у тебя, Игорь.

ИГОРЬ. – У меня? Фантазии?

ПАВЕЛ. – Да, у тебя, ничтожного материалиста, у тебя есть иллюзии, мечты, фантазии, которыми ты, несмотря на нашу старую дружбу и большое доверие, никогда со мной не поделился.

ИГОРЬ. – Ты знаешь все, что со мной происходит.

ПАВЕЛ. – Да, но я о многом тебе не говорю, о многом я умалчиваю. Делаю вид, что ничего не знаю.

ИГОРЬ. – Допивай отвар.

ПАВЕЛ. – Какая гадость. Из чего он?

ИГОРЬ. – *(Смеясь)* Из небесных трав.

ПАВЕЛ. – Наверное, небеса прогнивают, Игорь. Возможно, отвар из ада мне помог бы больше. *(Пауза)* Послушай, любезная сиделка, я не могу быть экскурсоводом, потому что не могу поделиться моей реальностью. Люди, которые придут, не увидят картины.

ИГОРЬ. – Увидят, так же, как и я увидел.

ПАВЕЛ. – *(Тишина)* Ты меня простишь, мой дорогой друг, если я задам тебе беспощадный личный вопрос. Я не хочу тебя обидеть, это для того, чтобы ты вошел в мою ситуацию.

ИГОРЬ. – Спрашивай, что хочешь, ты всегда останешься моим другом.

ПАВЕЛ. – Имей в виду, что ты мне сам разрешил.

ИГОРЬ. – Буду иметь в виду.

ПАВЕЛ. – Значит, так: правда ли, что ты разговариваешь со своим сыном, веря в то, что он живой и находится в траншее на площади? *(Тишина)* Признайся, так это или нет?

ИГОРЬ. – Ты не жесток, ты бесчеловечен. Я этого от тебя не ожидал.

ПАВЕЛ. – Прости, но ты мне сам разрешил. *(Тишина)* Иллюзии и реальность – индивидуальны, мой дорогой Игорь. Но не обижайся на умирающего, который вот-вот отправится к твоему сыну Дмитрию. *(Пауза)* Хочу попросить тебя, чтобы ты оказал мне честь и положил мой труп в его траншею, а следующей весной, когда немцы уже уйдут, отвезешь нас на кладбище до того, как мы оттаем. *(Тишина)* Обещаешь мне это? Ты мне это обещаешь?

ИГОРЬ. – Да, да, обещаю. *(Тишина)* Это правда, я разговариваю из окна с моим сыном.

ПАВЕЛ. – Я знаю, знаю, и хорошо делаешь, потому что пока ты веришь в то, что твой сын жив, он будет жив. Более того, я думаю, что он тебя слышит.

ИГОРЬ. – Правда, Павел, ты веришь, что он меня слышит?

ПАВЕЛ. – Как в то, что дважды два – четыре.

ИГОРЬ. – Значит, есть действительность, фантазии и иллюзии, которые можно разделить?

ПАВЕЛ. – Конечно, среди друзей можно разделить все, особенно мечты.

ИГОРЬ. – Тогда почему ты не можешь показать свои картины товарищам, которые придут?

ПАВЕЛ. – *(Пауза)* Хороший вопрос, Игорек, хороший вопрос. В конце получится, что ты умнейший человек. Так, покажи. *(Пауза)* Твой вопрос снял у меня жар. Значит... Значит... *(Пауза)* Я не могу проводить экскурсии, потому что наши товарищи знают, что мы увезли все картины. Да, они знают, что их здесь нет, и посмеются надо мной, подумают, что я их обманываю, что я – шут, шут, потерявший чувство юмора. Это было бы комично, Игорь, комично. *(Павел подносит руку к груди)*

ИГОРЬ. – Опять давление? *(Павел отрицает)* Боль в груди? *(Павел соглашается, скорчившись от боли)* Сильная? *(Павел кивает)* Очень

сильная? *(Павел кивает)* Была бы здесь твоя жена! Ладно, садись, так, очень хорошо, сейчас глубоко вдохни и медленно выдохни, очень медленно, хорошо, очень хорошо. *(Кажется, что боль по-немногу отходит. Павел делает жест рукой, чтобы Игорь оставил его в покое и укладывается на топчане)* Тебе плохо? *(Павел кивает)* Очень плохо? *(Павел кивает)* Плохо до смерти? *(Павел кивает)* Ты меня правда не обманываешь? *(Павел кивает головой, что нет)* Хорошо, прежде, чем ты уйдешь, я хочу показать тебе что-то, что сделает твое путешествие счастливым. *(Игорь достает из-под топчана картину, завернутую в ткань)* Знаешь, что это? *(Павел отрицательно кивает головой)* Угадай, ну-ка, угадай.

ПАВЕЛ. – *(Переворачиваясь на другой бок)* Проклятый коммунист, ты хочешь, чтобы я умер, глядя на Сталина. Так вот, не хочу, нет никакой нужды.

ИГОРЬ. – Это не портрет Сталина. Угадывай дальше. Что это?

ПАВЕЛ. – *(Пауза. Вставая)* Не хочешь ли ты мне сказать, что утаил какую-нибудь картину?

ИГОРЬ. – Так и есть, *(снимая ткань)* вот тебе “Ангел с золотыми волосами”.

ПАВЕЛ. – Осел, больше, осел. Что ты наделал!

ИГОРЬ. – Я подменил ее Сталиным. Я знал, что ангел нам здесь понадобится.

ПАВЕЛ. – Не могу поверить, не могу даже поверить. Тебя расстрелять надо за это. Я должен на тебя донести. Ты знаешь, сколько стоит эта картина?

ИГОРЬ. – Для тебя и для меня – много.

ПАВЕЛ. – Эта картина должна была сейчас быть за Уралом.

ИГОРЬ. – Эта картина делает чудеса.

ПАВЕЛ. – Какие чудеса, ну какие чудеса! Ты совершил преступление, животное, дикарь, невежда!

ПАВЕЛ. – Как это не делает чудеса? Ты только что агонизировал, а сейчас уже похож на обычного Павла. Тебя спас ангел.

ПАВЕЛ. – Не спас он меня, а вот ты, идиот, меня убьешь. *(Беря картину)* Какое чудо живописи! Обрати внимание на его прекрасные глаза, Игорь,

эта самая великолепная икона, которую я знаю. Как хорошо очерчены его губы. Если ангелы существуют, я уверен, они такие, как этот.

ИГОРЬ. – Значит, ты на меня не донесешь, Павел?

ПАВЕЛ. – Нет, конечно нет, Игорь, конечно нет. Единственное, что я могу сделать, это убить тебя собственными руками, но подожду более подходящего случая. Дай мне полюбоваться этой красотой.

ИГОРЬ. – У меня еще есть сюрпризы, Павел.

ПАВЕЛ. – Если ты достанешь еще одну картину, я тебе сейчас же выпущу кишки.

ИГОРЬ. – Не беспокойся, нет у меня больше картин. Я ждал чуда, чтобы выкурить гаванскую сигару, которую мне еще давно подарил один турист.

ПАВЕЛ. – Ты, сигару? И хранил ее все это время?

ИГОРЬ. – Да, я поклялся выкурить ее в тот день, когда вернется мой сын.

ПАВЕЛ. – Тогда спрячь ее.

ИГОРЬ. – Нет, я чувствую, что Дмитрий со мной. Ты меня заставил это почувствовать.

ПАВЕЛ. – Я? Не помню, чтобы я тебе что-то говорил о твоём сыне. Конечно, если ты хочешь, чтобы мы ее выкурили в его честь, я согласен. Слушай, может у тебя где-нибудь припрятано чуток водки?

ИГОРЬ. – Есть. Осталось немного в бутылке, которую принесла Соня.

ПАВЕЛ. – Давай, неси водку, тащи сигару. Да здравствует “Ангел с золотыми волосами”!

ИГОРЬ. – Да здравствует! И да здравствует мой сын Дмитрий!

ПАВЕЛ. – Да здравствует на веки веков, аминь.

Игорь и Павел делят сигару и пьют водку, смеясь и танцуя. Среди веселья слышны стуки в маленькую дверь, которые поначалу они не слышат. Затем раздаётся голос Сони с просьбой открыть дверь. Волнуясь, Игорь и Павел заворачивают картину в ткань и прячут ее под топчаном Игоря. Машут руками и дуют, чтобы развеять дым сигары. Павел укладывается на топчан. Игорь открывает дверь.

СОНЯ. – Почему Вы не открывали целую вечность, Игорь Игоревич? (Нюхая воздух) Чем это здесь пахнет? Чем вы занимались? Как ты себя

чувствуешь, мой дорогой? *(Подходит к топчану и целует его)* Павел, ты курил? С ума сойти! С ума сойти! От тебя несет водкой и табаком.

ИГОРЬ. – у нас был небольшой праздник, товарищ Соня. Мы отмечали... Что мы отмечали, Павел?

ПАВЕЛ. – Отмечали мою смерть.

СОНЯ. – Вы пьяны?

ИГОРЬ. – Нет, нет, но то, что мы отмечали, это мой секрет.

СОНЯ. – Какой секрет?

ИГОРЬ. – Я прятал...

ПАВЕЛ. – Этот идиот прятал сигару, которую ему подарил один турист, и столько времени прятая, она потерялась. Мы ее только что нашли и выкурили. Это правда, а... и допили водку, что оставалась в бутылке, которую ты принесла. Больше уже нет.

СОНЯ. – Игорь Игоревич, Вам не стыдно давать курить моему мужу?

ИГОРЬ. – Это чтобы поддержать его, но у меня уже больше нет сигар, так что успокойтесь. *(Пауза)* Нада сказать, что Вы вошли в таком расположении духа, что нас просто обезоружили, не так ли, Паша?

ПАВЕЛ. – С чем пришла, дорогая? Как дела с экскурсиями?

СОНЯ. – Их утвердили, первой группой будет Комитет по защите в полном составе. Если все будет хорошо, они придут через два часа.

ИГОРЬ. – Можете идти и сказать им, чтобы не приходили. Павел не хочет делить ни с кем свою реальность или фантазии, или называйте их, как хотите.

СОНЯ. – Мне сегодня не до шуток.

ПАВЕЛ. – Игорь не умеет объяснять, дорогая. Несколько минут назад я был на грани смерти.

СОНЯ. – Не неси вздор, моя любовь. Несколько минут назад вы смеялись, курили и выпивали.

ИГОРЬ. – Да, товарищ Соня, но до этого он чуть ли не перешел в другой мир.

СОНЯ. – Ладно, хватит. Я вам сказала, что у меня плохое настроение, дела снаружи идут не очень хорошо.

ПАВЕЛ. – Что, наступают эти мерзавцы?

СОНЯ. – К счастью, нет, но сейчас они нас бомбят не только снарядами и бомбами, но и своей пропагандой по радио и листовками, которые сбрасывают со своих самолетов. Хотите посмотреть последнюю? *(Доставая листовку)* Здесь Гитлер объявляет о неминуемом входе в Ленинград, возглавляя победный парад по Невскому проспекту. Затем говорит, что будет руководить банкетом в гостинице “Астория”, где заказал меню, включающее запеченного гуся с брусникой. А... и будут пить Рейнское вино. То есть, рассказали о всех деталях своего празднования падения Ленинграда. Говорят, что Гитлер даже выбрал музыку, которую будут исполнять на банкете.

ПАВЕЛ. – Вагнер, без всякого сомнения.

СОНЯ. – Нет, Лист. Читай.

ПАВЕЛ. – *(Читая листовку)* Действительно, Лист. У проклятого монстра был, наверное, порыв чувственности. *(Пауза)* Чем мы ответим на эти атаки?

СОНЯ. – Придумаем что-нибудь, не впервой. На сегодня мораль очень высока, но заметно беспокойство в глазах у всех.

ПАВЕЛ. – Я думаю, тебе понравится одна картина Репина.

ИГОРЬ и СОНЯ. – Какое отношение имеет ко всему этому Репин?

ПАВЕЛ. – Посмотри, а потом мне скажешь. Она в выставочном зале. Мы отмечали 100 лет со дня его рождения.

Игорь. – Какая конкретно? Я их все видел.

ПАВЕЛ. – Не сомневаюсь. *(Соне)* Ты тоже должна ее знать. Это “Запорожские казаки пишут письмо турецкому султану”.

СОНЯ. – Думаю, что да. Но причем она к Гитлеру?

ПАВЕЛ. – Было бы хорошо контратаковать нацистскую пропаганду и попросить каждого жителя Ленинграда отправить письмо Гитлеру и выразить в нем все, что о нем думают.

СОНЯ и ИГОРЬ. – Хорошая идея, Павел, очень хорошая идея.

ПАВЕЛ. – Пойдем посмотрим?

СОНЯ. – Конечно, освежим память.

ПАВЕЛ. – Закончим разговоры, к делу. *(Берет окурочек сигары и зажигает его)*

СОНЯ. – Дорогой, оставь, это плохо для твоего сердца.

ПАВЕЛ. – Курение – это роскошь для приговоренных к смерти, дорогая Соня. Не будем больше спорить, нас ждут казаки.

(Игорь берет керосиновую лампу и идет за Павлом и Соней, которые идут по воображаемым салонам)

ИГОРЬ. – Говори громче, Павел, я тебя еле слышу.

ПАВЕЛ. – Разве ты не говорил, что все знаешь?

ИГОРЬ. – Мне нравится тебя слушать, ты всегда говоришь что-то новое.

ПАВЕЛ. – Ладно, ладно, ревнивый страж пустого места. *(С высокопарностью)* Я говорил, что во всех веках были исключительные мерзавцы. Неоспоримым представителем глубочайшей человеческой низости в XX веке является Гитлер, а в XVIII веке пальму первенства держал такой же жестокий, как и всесильный человек – Турецкий султан, террор Азии и Европы. Его владения протянулись до ворот Вены, распространились по Черному морю и большей части Средиземноморья. Турки владели Крымом, захватили Украину, в общем, их жестокие войска не знали соперников, кроме...

ИГОРЬ. – Запорожцев.

ПАВЕЛ. – Точно.

СОНЯ. – Конечно, я помню, их звали запорожцами.

ПАВЕЛ. – И эту картину, без сомнения, тоже вспомнишь. Так, мы пришли.

ИГОРЬ. – Ничего не вижу.

ПАВЕЛ. – Опять начинаешь? Ну ты и зануда, я ведь еще не начал.

СОНЯ. – Начинай, Павел, скорее.

ПАВЕЛ. – Так, как мы говорили, могущественное войско султана захватило всю Украину. Всю, кроме героически защищаемой запорожской крепости. Эти казаки были людьми грубыми, огромными, беспощадными в борьбе и ласковыми в мире. У них было много недостатков, они пили до изнеможения, были страстными и безрассудными, а также отчаянными и смелыми.

ИГОРЬ. – Оставь свои истории и начинай с картины, давай, начинай, а то я ничего не вижу.

ПАВЕЛ. – Эхем, эхем, дорогие друзья, как часть празднования первого столетия со дня рождения Ильи Репина, музей Эрмитаж имеет высокую честь представить вам одно из его самых выдающихся произведений:

“Запорожские казаки пишут письмо турецкому султану”. Как вы видите, это большая картина для больших людей, высота ее – два метра, ширина – три с половиной метра.

ИГОРЬ. – Большая, но продолжаю ничего не видеть.

ПАВЕЛ. – Сделай усилие, Игорек, она здесь. (*Картина начинает медленно высвечиваться на стене*) Бросим сначала общий взгляд на картину. Мы видим большое празднество воинов. С чего смеются эти здоровенные казаки? На заднем плане дымится их крепость, они ее только что защитили от турок, которых разгромили. Неистовые казаки сражались храбро и захватили мощные вражеские пушки. Возможно, это первое поражение отоманов и, без сомнения, самое сокрушительное. Тем не менее, война далеко не закончилась. Из Стамбула султан угрожает прислать своих непобедимых янычар покончить с ними. Обещает стереть их с лица земли, если они немедленно не сдадутся. Ничуть не испугавшись, запорожцы набрались наглости и решили отправить письмо султану. Смотрите, посмотрите хорошо, посреди поля этот человек с чубом пишет на грубом столе под диктовку своих неотесанных товарищей. Видя веселые и беззаботные лица запоржцев, можем легко догадаться, что они говорят.

ИГОРЬ. – Мы можем прочесть это письмо?

ПАВЕЛ. – Конечно, обратите внимание на казака, который стоит справа от стола и заходится от смеха.

ИГОРЬ. – Там их несколько.

ПАВЕЛ. – (*Высвечивается изображение казака*) Обрати внимание на самого высокого, в белой шапкой, который выпячивает свою огромную грудь и объемный живот.

ИГОРЬ. – Который придерживает свое брюхо двумя руками?

ПАВЕЛ. – Этот самый. А сейчас обратите внимание на другого, который слева от него. (*Высвечивается изображение этого казака*). Посмотри, он больше похож на татарина, чем на казака. Ладно, этот уже не может больше от смеха, ему не хватает воздуха. Он на грани коллапса.

СОНЯ. – Надо сказать, что у всех у них смех очень заражающий. Что дальше, Павел, что дальше? Продолжай, продолжай.

ПАВЕЛ. – Хорошо, посмотрим на того, который в центре, который стоит над тем, что пишет. По его одежде мы можем определить, что это один из начальников, у него во рту трубка, он не смеется, но можем заверить, что его мысли находятся на расстоянии многих километров. Он представляет лицо горделивого султана, когда тот будет читать о том, куда его посылают запорожцы. *(Все хохочут)*

ИГОРЬ. – Этот другой *(высвечивается изображение казака)* говорит султану, что они отрежут носы и уши всем янычарам, которых он осмелится прислать. *(Все хохочут)*

СОНЯ. – А если он будет продолжать надоедать им, они придут в Стамбул и выгонят его пинками в зад из своего гарема. *(Все хохочут)*

ПАВЕЛ. – А затем кастрируют его и отправят евнухом во дворец русского царя. *(Все хохочут)*

СОНЯ. – Посмотрите на этого, который уже посинел от смеха. *(Высвечивается изображение казака)*

ИГОРЬ. – Этот только что продиктовал писарю, чтобы написал султану, что если тот не хочет, чтобы казаки пришли в Турцию, чтобы прислал сюда свой гарем. Да, чтобы прислал свой гарем. *(Все хохочут)*

ПАВЕЛ. – Посмотрите на этого...

СОНЯ. – Я больше не могу, Павел, я больше не могу. Я думаю, что умру со смеха прямо здесь. *(Все хохочут)* Все, хватит, пожалуйста, пожалуйста.

ИГОРЬ. – Давно я так не смеялся.

СОНЯ. – Я тоже.

ПАВЕЛ. – И я. *(Пауза)* Как хорошо действует смех в такие времена.

СОНЯ. – Дорогой, большое спасибо. Уверена, что Комитету понравится эта картина. А... послушайте, Комитет, он ведь уже скоро придет. Пойдем к двери, мы не можем позволить, чтобы они замерзли снаружи.

ИГОРЬ. – Но, товарищ Соня, Вы забыли, что Павел сказал, что не будет ничьим экскурсоводом.

ПАВЕЛ. – Я сказал это?

ИГОРЬ. – Да, ты. Разве не помнишь, что иллюзии и реальность нельзя разделить?

ПАВЕЛ. – В чрезвычайных случаях национальной необходимости можно и нужно разделить все.

ИГОРЬ. – Ты непоследователен сам с собой, Павел.

ПАВЕЛ. – Признай хотя бы, Игорь Игоревич, что я очень последователен в своей непоследовательности.

ИГОРЬ. – Так что, будешь проводить экскурсии, Павел?

ПАВЕЛ. – Конечно, буду, господин комиссар. Я буду проводить столько экскурсий, сколько смогу, до последнего издыхания.

ИГОРЬ. – Нет! Ты будешь проводить столько экскурсий, сколько тебе позволит здоровье.

СОНЯ. – Игорь прав, ты не должен переутруждать себя, дорогой.

ПАВЕЛ. – Дорогая, разве ты не видишь, что я чувствую себя лучше, чем когда-либо?

Гаснет свет

4

Та же декорация, что и в сцене 1. Открывается маленькая дверь, и входят Игорь и Соня, окоченевшие от холода. Слышны далекие взрывы.

СОНЯ. – Спасибо, Игорь Игоревич. Я думаю, что Вы выбрали наилучшее место для моего мужа.

ИГОРЬ. – С той траншеи он сможет видеть музей, который так любил.

СОНЯ. – Это точно. Его большой любовью был Эрмитаж, я – так, случайной любовницей.

ИГОРЬ. – Не говорите так, он Вас очень любил.

СОНЯ. – Да, но Эрмитаж – больше. Не знаю, что мы сможем без него сделать. Его экскурсии... Сколько он провел их? Прикинем: более четырех месяцев по две-три экскурсии за ночь... Да, это много для любого, а он был к тому же болен. *(Пауза)* Сейчас отдохнет с миром, а в начале весны, когда прогоним немцев, похороним его, как он того заслуживает. *(Пауза)*

Ладно, Игорь, мне надо идти. Берегите себя, очень хорошо берегите.

Будьте уверены, что я приду навестить Вас, как только будет возможность.

ИГОРЬ. – Спасибо, Соня, спасибо. Знаете, что? Нет... Нет... вы скажете, что я не в своем уме.

СОНЯ. – Говорите, Игорь, говорите, что хотите, не бойтесь.

ИГОРЬ. – Пожалуй, не знаю, должен ли. Нет, лучше дайте мне подумать, я Вам это скажу в следующий раз.

СОНЯ. – Как хотите. Я сейчас должна бежать, чтобы аннулировать экскурсии. Эти бедные люди должны тащиться через канавы и ямы, чтобы прийти сюда. Будет несправедливо, если они потратят свои силы впустую.

ИГОРЬ. – Именно об этом я и хотел поговорить с Вами, Соня.

СОНЯ. – Да? Ну так говорите, я слушаю.

ИГОРЬ. – Дело в том, что не знаю, как вам это сказать. Я немножко стесняюсь.

СОНЯ. – Давайте, говорите начистоту, как бы Вы разговаривали с Павлом.

ИГОРЬ. – Ладно, скажу, но повернитесь к стене.

СОНЯ. – Вы настоящий ребенок, Игорь Игоревич.

ИГОРЬ. – Если не повернетесь, не скажу.

СОНЯ. – *(Поворачиваясь к стене)* Хорошо, Вы уже успокоились? А сейчас говорите, что вы надумали.

ИГОРЬ. – Только не смейтесь, хорошо? Обещайте мне, что не будете смеяться.

СОНЯ. – Обещаю, ну говорите же скорее.

ИГОРЬ. – Знаете, Соня, знаете... Вы мне сказали, что не будете смеяться, так? Хорошо, я Вам скажу, Соня... *(Пауза)* Соня, я хочу быть экскурсоводом Эрмитажа.

СОНЯ. – *(Поворачиваясь к Игорю)* Вы, Игорь Игоревич?

ИГОРЬ. – Да, я. Я думаю, что могу проводить экскурсии по этому музею, конечно, не так, как это делал Павел, но я клянусь Вам, что верю, что способен на это. Я знаю слово в слово, что говорил Павел. *(Показывает тетрадь, которую достал из своего пальто)* Смотрите, я здесь все записывал. Хотите, чтобы я Вам продемонстрировал? Смотрите, *(Оставляет свое ружье и имитирует позу и напыщенность Павела)* эхем, эхем, уважаемые посетители, для музея Эрмитаж является большой честью представить Вам сегодня...

СОНЯ. – Не надо продолжать, дорогой Игорь Игоревич. Я знаю, что Вы сможете это сделать. Конечно, да! Извините, что мне это раньше не пришло в голову, извините меня, Игорь Игоревич.

ИГОРЬ. – Я не сделаю это так хорошо, как Ваш муж, но...

СОНЯ. – Мой муж незаменим, но я верю, что Вы способны проводить очень хорошие экскурсии. Замечательно, просто замечательно. Хорошо, я побегу в Комитет, чтобы сообщить, что Игорь Игоревич – новый экскурсовод Эрмитажа.

ИГОРЬ. – Правда, Вы это им скажете?

СОНЯ. – Будьте уверены. Идите готовьтесь к экскурсиям сегодняшней ночи, Игорь Игоревич, а сейчас я должна идти. *(Соня достает из кармана своего пальто кожаные перчатки Павла и надевает их Игорю, затем с чувством обнимает его)* До свидания.

ИГОРЬ. – До свидания, дорогая Соня. *(Когда она уходит, Игорь заставляя оба засова маленькой двери, достает картину “Ангел с золотыми волосами”, снимает с нее ткань, крестится, молится, поднимается по складной лестнице и открывает окно)*

Паша, Паша, ты меня слышишь? Слышишь меня? Извини, что так скоро разговариваю с тобой. Я знаю, знаю, что ты хочешь, чтобы я оставил тебя в покое, но послушай, Паша. Ты думаешь, что атеист может верить в чудеса? Правда, что может? Спасибо, я знал, что мне скажешь, что да. Так вот, представь себе, наш “Ангел с золотыми волосами” сделал со мной чудо, да, со мной, который кроме атеиста, является к тому же всю жизнь коммунистом. Когда? Только что. Да, сразу же, как мы тебя оставили в траншее. Значит, так, дело в том, что я буду новым экскурсоводом Эрмитажа. Да, я, я. *(Пауза)* Что-что? Я знаю, знаю, что ты считаешь меня ослом, да и еще невежей, в конце концов, называй меня как хочешь, но я думаю, что могу помочь Ленинграду, говоря то же самое, что ты и так же, как ты. Я тебя буду имитировать, Паша, имитировать. *(Пауза)* Ты не сердисься, правда? Ладно, если сердисься, тебе же хуже, потому что ты ничего не сможешь поделать. В конце концов, ты сам виноват в том, что умер. Кто проводил экскурсии до изнеможения, а? Конечно, ты сам искал своей смерти, и сейчас мне ничего другого не остается, как заменить тебя. *(Пауза)* Ты правда не злишься? Правда? Ладно, мой дорогой Павел, мне надо еще кое-что сделать до прихода посетителей, но до того избавь меня от одного сомнения. *(Достает тетрадь)* Слушай, Паша, я не помню имя французского президента,

который навещал Монета. *(Пауза)* Как, как? Клементе? Нет? Клементе, нет. Клеменсия? Тоже нет. Давай, Паша, подскажи, уже скоро люди придут. Как? Клеменсио? Клеменсио? Говори громче, Клеменсио? Нет? Аа.. Да! КЛЕМАНСО!

Занавес

(Здесь заканчивается оригинальная версия, автор добавил на усмотрение режиссера следующее, как возможную концовку)

ИГОРЬ ПРОДОЛЖАЕТ. – Спасибо, дорогой Паша, спасибо. Сейчас я должен тебя оставить, но скоро вернусь. Обнимаю тебя. *(Игорь быстро спускается с лестницы, идет к топчану Павла и открывает ящик, который стоит рядом с топчаном, достает одежду и примеряет два пиджака и несколько кепок)* Я думаю, что этот пиджак мне подходит, так, так, нет, лучше этот, не знаю, он мне немного узковат. Ладно, не буду застегивать пуговицы – и проблема решена, это кепка мне идет. Замечательно! Замечательно! *(Довольный своим новым одеянием, укладывает свой старый военный китель рядом с одеждой Павла и закрывает ящик. Напыживается и начинает расхаживать по помещению, безрезультатно пытаясь скрыть свою хромоту. Останавливается перед иконой)* Божественный ангел, я не прошу, чтобы ты убрал мою хромоту, потому что не хочу злоупотреблять твоим доверием, но как я выгляжу, хорошо? Правда? Спасибо. *(Идет к выходу, имитируя Павла и разговаривая, как будто обращаясь к реальным людям)* Товарищи, Государственный музей Эрмитаж благодарит вас за визит *(со злостью)*, нет, не так. *(Пауза)* Уважаемые посетители, Государственный музей Эрмитаж гордится, что может принять вас *(со злостью)* Какой ты неотесанный, Игорь! Не так. Думай, не нервничай. *(Тишина)* Аа... да-да. *(С уверенностью и обаянием Павла)* Товарищи, добро пожаловать в Государственный музей Эрмитаж, я уверен, что эта экскурсия вам запомнится, подойдите поближе, так меня смогут слышать все, еще чуть, пожалуйста, очень хорошо, спасибо, спасибо. *(Пока Игорь говорит очень выразительным голосом, свет начинает рассеиваться и появляются наброски картин, которые комментировались)* Так, через несколько минут мы увидим произведения самых известных художников

мира, увидим, например, портрет графа-князя де Оливареса кисти Веласкеса, сиреневые сады Монета, Данаю Рембрандта. *(Пауза)* Закончим осмотр специальной выставкой, посвященной нашему соотечественнику Илье Репину, приуроченную к 100-летию со дня его рождения. Там выставлена великолепная картина “Запорожские казаки пишут письмо турецкому султану”. Так, так, я чувствую, что вы уже жаждете войти в этот мир искусства, хорошо, тогда начнем экскурсию, проходите сюда, следуйте за мной. *(В то время, как фигура Игоря начинает исчезать, а его голос удаляется, хотя можно слышать его слова, картины вырисовываются более четко. Перед опусканием занавеса они видны отчетливо)* Пока мы идем до первого зала, я расскажу вам немного об Эрмитаже. Этот музей являлся Зимним дворцом царей. Он был построен итальянским архитектором Бартоломео Растрелли в конце XVII века. Екатерина Великая стала первым жильцом этого впечатляющего дворца с 460 комнатами. В нем мы видим огромные залы, величественные лестницы, церковь огромных размеров и даже театр. Официальные залы декорированы в самом что ни на есть чистом стиле русского барокко 18 века. Эрмитаж – самый большой музей в мире...

ЗАНАВЕС